

Лео Яковлев

Эта случилась
в XX веке



Лео Яковлев

Это случилось в XX веке

*(киноповесть
в восьмидесяти четырех сценах)*



Харьков
Издательская группа
«РА — Каравелла»
2001

ББК 85.374

Я47

Издание осуществлено издательской группой фонда «Еврейский культурный центр Бейт-Дан» при содействии регионального отделения «Джойнт» в Харькове.

Основной спонсор «Джойнта» — Компания Федераций UJA
Объединенных Еврейских общин.

AJJDC is sponsored primarily by the UJA Federation campaign
of United Jewish Communities.

На обложке — рисунок Б.Кагана «Голубь с масличной ветвью»

Літературно-художнє видання

ЯКОВЛЄВ Лео

це сталося у XX столітті?

Російською мовою

Відповідальна за випуск Л.А. Конєцька

Обкладинка В.Є. Чумаченко

Коректор О.В. Вєстрова

Комп'ютерна верстка В.Ю. Куплевацького

Яковлев Лео

Я47 Это случилось в XX веке. — Харьков: Изд. группа
«РА — Каравелла», 2001. — 52 с.

ISBN 966-586-004-6.

Ета повість посвящена історії харківської єврейської родини
і життя людини, уникнувши розстрілу в Дробичком ярі
і виживши завдяки допомозі багатьох людей — українців,
російських і німців. Діяння повісті відбувається на фоні багатьох
історических подій XX століття в Україні і в світі.

ББК 85.374

Підп. до друку з ориг.-макета 09.10.2001. Формат 60х90 1/16.

Гарнітура Шкільна. Ум. друк. арк. 3,24. Обл.-вид. арк. 3,82.

Тираж 200 пр.

Видавнича група «РА—Каравела».

61057 Харків, вул. Сумська, 28.

Контактні телефони:

тел. (0572) 43-06-22, факс (0572) 43-61-63

OCR Давид Титиевский, март 2020 г., Хайфа

ISBN 966-586-004-6

© Лео Яковлев, 2001

© Б. Каган, рисунок на обложке, 2001

О чем будет этот фильм?

(Вместо предисловия)

То вторая Книга Чисел
Началась в двадцатый век.

Матвей Ройзман

На экране будет воссоздана в значительной мере типичная семейная и личная история «советского» еврея, чья жизнь большей своей частью была связана с Харьковом, с Украиной.

Перед зрителем проходят картины жизни предков главного героя в еврейском местечке; потом в созданном Агроджойнте — еврейском сельскохозяйственном поселении, где герой фильма появился на свет, в пустыне Северного Крыма.

От «коллективизации» и голода его мать и отец, спасая детей, бегут из Крыма в быстро растущий промышленный Харьков, где их и застает война.

Старший брат героя оказывается в армии и погибает в первые дни войны, отец и мать расстреляны нацистами в числе тысяч харьковских евреев, а ему самому чудом и с помощью многих людей — украинцев, русских, немцев — удается спастись, и после многолетних странствий по «тысячелетнему рейху» он снова оказывается в Харькове уже без родных и близких.

Жизнь продолжается.

Кое-как склеиваются ее разорванные войной нити. Осушительное возмездие подлецу, причастному к гибели семьи героя фильма, и целительное время успокаивают его душу, но не властны над памятью.

Идея фильма и его сюжет, представленные здесь, весьма схематичны и высвечивают лишь узловые судьбоносные моменты жизни героя на фоне исторических событий, имеющих к ней отношение.

При этом сохраняется возможность разработки эпизодов в стилях «боевик», «триллер» или «love story» в зависимости от вкусов и пристрастий продюсера и работающего с ним сценариста.

Помимо своей основной цели — формирования и закрепления в зрительском сознании исторической памяти о недавнем прошлом, фильм имеет также антидиффамационную сверхзадачу — опровержение с помощью художественных средств тех политических наветов, которые возведены и продолжают возводиться на евреев нацистами, неонацистами, функционерами национал-большевизма, таких как: обвинение в навязывании русскому народу большевистской революции, процветание за счет славянского населения при большевистском режиме в 1920–1930 гг., организация голодомора в Украине, нежелание и неспособность к крестьянскому труду, пренебрежение рабочими профессиями, поголовная эвакуация в Ташкент, массовое уклонение от военной службы и т.д. и т.п.

«Это случилось в XX веке» — одно из названий, отражающих содержание киноповести. Другие возможные названия — «Via dolorosa», «Весь мир против Люса Флинкера», «Такая жизнь».

Киноповесть разделена на восемьдесят четыре сцены, и все они проработаны одинаково детально. Многие сцены оставляют простор для режиссерской фантазии. Таким образом, предлагаемый читателю текст можно отчасти рассматривать как схематический сюжет или идею будущего фильма.

Это случилось в XX веке

(киноповесть)

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

Осип Мандельштам

Сцена 1. 1998 год. Лето. Харьков. Ранний рассвет летнего дня.

Квартира в доме нового жилого массива на окраине большого города.

Из окон видно место расстрелов в декабре 1941 — январе 1942 г.

Пожилой человек с лицом, на котором лежит печать долгой нелегкой жизни и испытаний, спит на диване.

Просыпается, как от тяжелого сна. Выходит на балкон.

В метрах двухстах от здания, расположенного на краю городской застройки, за пустынным полем клубится туман. Человеку кажется, что туман превращается в скопище полуживых и мертвых тел.

Он явственно слышит стоны умирающих и тихий, как вздох, женский голос: «Люс» ...

Возвращается в комнату и тщательно закрывает дверь на балкон.

Снова ложится на диван. Закрывает глаза, но не может заснуть: ему кажется, что стоны и приглушенные крики проникают в комнату сквозь закрытые двери и окна.

Он мечется в своей постели и, наконец, забывается беспокойным сном.

* * *

Сцена 2. Позднее утро того же дня.

Прибытие интервьюеров по программе Ст. Спилберга «Пережившие Шоа». Обычные представления, объяснения, установка видеокамеры.

Начало интервью. Слова интервьюера:

— Сегодня 25 мая 1998 года, я, Кранцфельд Яков, провожу видеointerview с пережившим Шоа Ильей Флинкером. Прошу Вас, Илья, перед этой видеокамерой рассказать все о себе, о своих близких, о друзьях и врагах. Начните свой рассказ с того, что вы помните лично и знаете со слов родственников о своей семье.

Илья глубоко задумывается, пытаясь привести в порядок свои воспоминания.

— И в семье, и среди друзей меня всегда называли Люсом, — начинает он свой рассказ. — Моя мать родом из какого-то еврейского местечка неподалеку от Литичева на западе Украины, узнать подробнее ее историю от нее самой я не успел.

Рассказ Люса переносит зрителей в далекое прошлое.

* * *

Сцена 3. 1921 год. Весна.

Еврейское местечко на западе Украины. Бедные хаты-мазанки. Некоторые — под соломенными крышами. В одном из трех каменных зданий располагалась синагога. Сейчас стены этого здания в трещинах, дверь заколочена досками крест-накрест. Раввин погиб во время погрома, устроенного то ли Первой конной, то ли бандитами. В местечке идет искоренение «буржуазных» и «контрреволюционных» «элементов». «Буржуев» и «контрреволюционеров» «выявляет» команда «чекистов». Четверо из них в буденовках с винтовками с примкнутыми штыками, с явно уголовными физиономиями и татуировкой на руках (имена, сердце, пронзенное стрелой, кресты). Пятый — «комиссар» в кожаной тужурке и офицерской фуражке без кокарды, с болтающимся на поясе маузером в кобуре, выглядывающей из-под полы тужурки.

В этом «комиссаре» (к нему его команда обращается «товарищ Борис») люди узнают Берку из соседнего местечка, не освоившего к своим тридцати годам ни одной полезной профессии и не раз битого «до революции» за воровство и мошенничество на ярмарках.

«Контрреволюционных» элементов (на эту роль подошел бы раввин) в местечке не оказалось, и «товарищ Борис», взломав дверь в синагоге,

устроил там свой «штаб», где и допрашивал «буржуев».

«Буржуев» уже в местечке оказалось два: Шмоль, занимавшийся извозом и имевший единственную в местечке лошадь, и дед Люса Фроим, державший мелочную лавку, доходов от которой на содержание его семьи — жены и двух дочерей — хватало не всегда.

От одной из этих дочерей — своей тетки — Люс и узнал всю эту историю. Узнал и о том, что его мать была изнасилована одним из пьяных «чекистов», и о том, что после этого наезда новой власти семья его деда по материнской линии бежала из местечка на юг Украины, где уже обосновался кто-то из родственников деда.

* * *

Сцена 4. 1926 год. Лето.

Еврейское сельскохозяйственное поселение в северной пустынной части Крыма, где на ранее пустовавших землях, заселенных еврейскими переселенцами, были образованы два административных района — Фрайдорфский и Лариндорфский.

Представители Агро-Джойнта принимают новых евреев-переселенцев. Среди них семья деда Люса с прибавлением: у одной из дочерей — будущей матери Люса — четырехлетний сын.

Светлый, но пустой дом.

Семья располагается в большой комнате.

— Здесь мы будем жить! — говорит Фроим.

В предшествующих странствиях семьи по югу Украины к семье пристал юноша, родители которого погибли при еврейском погроме во время Гражданской войны. Живя в семье, он полюбил и будущую мать Люса и ее «байстрюка».

Первая еврейская свадьба в поселке, организованная на средства Агро-Джойнта.

* * *

Сцена 5. 1932 год. Лето.

Этот же дом с явными признаками достатка. Богатое подворье. Молодые фруктовые деревья. Виноград. Оросительные каналы. Во дворе много птицы, собака, кошки. Сарай и погреба забиты продуктами. Нарядный и аккуратный поселок. Четырехлетний Люс играет со своим старшим братом. Мать и отец после трудового дня отдыхают во дворе с дедом, любясь детьми. Бабка возится по хозяйству.

Но разговор взрослых посреди всей этой идиллии — очень тревожный. Речь идет о том, что требования «организовать колхоз» становятся категорическими и что в поселок уже откуда-то прибыл «председатель» будущего колхоза — «гой», окруженный пришлыми и местными «активистами».

Исторический фон сцены — кадры о «коллективизации». Выступления Сталина и других «вождей».

* * *

Сцена 6. 1933 год. Ранняя осень.

Пустые улицы того же поселка. Пересохшие оросительные каналы. Потрескавшаяся земля. Некоторые изгороди вокруг подворий сломаны.

Тот же двор. Пустой. Нет никакой живности. Семья в сборе и отрешенно смотрит, как свора дюжих молодцов в красноармейской форме, выломав стену сарая, выносит последние два мешка с зерном и грузит на подводу. Двум «красноармейцам» показалось, что в сенях дома под полом есть глубокий схрон, и они ломом срывают доски пола. Наконец экспроприаторы, прихватив пару ведер и медный таз для варки варенья, весело покидают двор.

Семья остается во дворе.

Женщины плачут.

— Вам нужно ехать! — говорит дед зятю. — Спасайтесь.

Куда ехать? Речь заходит о родном брате деда, обосновавшемся в конце 20-х годов в Харькове и ставшем каким-то «начальником» на одном из заводов.

— Он поможет!

Дед и бабка слезно молят молодых бежать из умирающего поселка, а они, оставшись сами, как-нибудь прокормятся с огорода.

В конце концов отец и мать Люса решают на рассвете уйти в Джанкой, чтобы оттуда уехать в Харьков. Проводив их, дед и бабка в разоренном доме ложатся в постель и долго лежат с открытыми глазами. Взгляды их тихо угасают.

* * *

Сцена 7. Ранний рассвет следующего утра.

В утренних сумерках по степи движется цепочка людей: впереди мужчина, за ним пятилетний мальчишка — Люс, — которому помогает двенадцатилетний подросток. Замыкает эту цепочку женщина. Их накрывает молочно-белый туман с запахом гнили, ползущий от Сиваша. Входящее солнце рассеивает туман.

Через некоторое время на их пути возникают окраины Джанкой.

Большая железнодорожная станция (Джанкой).

Отец Люса договаривается с обер-кондуктором товарного состава, и тот за золотой червонец помещает всю семью в пустую теплушку.

* * *

Сцена 8. Конец 30-х годов. Харьков.

Коммунальная квартира на третьем этаже трехэтажного дома в центре города неподалеку от большой синагоги, ставшей рабочим клубом имени какого-то Интернационала. По слухам эта квартира до революции принадлежала университетскому профессору. Сейчас в ней, кроме Люса

и его родителей, размещаются еще четыре семьи (по числу комнат). Соседи — русские и украинцы — живут без ссор и обид, вместе отмечая праздники (государственные — шумно, а религиозные христианские и еврейские — тайком). Отец Люса освоил профессию электрика и стал мастером по электроустановкам на одном из харьковских заводов. Все соседи зовут его чинить проводку и электроприборы, а в одной маленькой пекарне на соседней улице он даже сделал электропечку для мацы. Для себя собрал довольно сильный радиоприемник. Иногда в нем раздаются голоса Гитлера и Геббельса. Мать Люса знала немецкий язык — ее в детстве учила немка, обучавшая дочку раввина. Она переводит слова Бесноватого, касающиеся евреев.

* * *

Сцена 9. Конец 30-х годов. Харьков.

Отца Люса пригласили в дом напротив починить утюг. Большая квартира без «коммунальных соседей». Признаки достатка. Отец Люса предварительно расспросил тех, через кого было передано это приглашение, и узнал, что там живет важный ученый из физико-технического института. Еврей.

Когда отец Люса разобрал утюг, в комнату вошел сам ученый. Наблюдает за работой Люса. Расспрашивает, где он работает, не хочет ли перейти к ним в институт.

— У нас светлых голов много, а ловких рук не хватает!

В это время громкий стук в наружную дверь. Вваливается команда из четырех человек. Предъявляют какие-то удостоверения и бумажки.

— Здесь прячется японский шпион!

Задерживают всех, кто был в квартире, включая домработницу и отца Люса. Потом уводят «японского шпиона», а остальным бросают:

— Понадобится, из-под земли достанем!

Сцена 10. Конец 1939 года. Харьков.

Люс выпросил деньги, чтобы сходить в кино на фильм «Профессор Мамлок», но когда пришел в кинотеатр, увидел объявление, что фильм демонстрироваться не будет «по техническим причинам».

* * *

Исторический документальный фон: кадры событий в Германии. Контакты сталинской и гитлеровской администраций. Раздел Польши. Начало Второй мировой войны.

В Харькове. Открытие немецкого консульства на одной из центральных улиц города. Люс с друзьями — его сверстниками из соседних семей, украинцем Анатолием и русским Николаем, и с шестнадцатилетней еврейкой Майей, жившей в другой коммунальной квартире их дома, — приходят к консульству посмотреть на нацистский флаг со свастикой.

* * *

Сцена 11. 1940 год. Лето. Харьков.

Проводы старшего (сводного) брата Люса, едущего поступать в военно-морское училище в Ленинград. Торжественный обед всех жильцов «коммунальной» квартиры в просторной кухне.

* * *

Сцена 12. Начало войны. Харьков.

Солнечный «выходной» день 21 июня 1941 г. Лица мальчишек — Люса и его друзей, — вышедших из кинотеатра и узнавших эту новость. Первые дни и недели войны. Стремительные изменения быта, перебои в снабжении. Закупка соли и спичек.

Тяжело заболевает отец Люса и попадает в больницу. Проходит полтора летних месяца. Бомбежки. Начинается интенсивная эвакуация. За-

вод отца Люса выехал на восток, когда тот еще был в больнице.

* * *

Исторический фон: документальные кадры начала войны.

* * *

Сцена 13. 1941 год, август. Москва. Кабинет Сталина в Кремле.

Сидят несколько человек в полувоенной форме. Сталин с трубкой прохаживается по кабинету. Говорит о том, что сопротивление на временно оккупированной немцами территории Союза должно быть организованным.

— Не допускать никакой стихийности!

Сталин замолчал, ждет вопросов. Один из присутствующих несмело приподнимается:

— Товарищ Сталин! Как быть с еврейским населением, не сумевшим эвакуироваться. Из Львова, Житомира и других городов, захваченных врагом, наша агентура сообщает о жестоких расправах немцев и местных националистов над евреями. Но это же наши советские люди. Кое-где партизаны могли бы им помочь...

— Если среди этих евреев есть мужчины, пусть идут в ваши отряды и воюют как все советские люди. А остальные... Запомните: мы воюем не для спасения евреев, и пусть они не надеются, что кто-то за них будет проливать свою кровь!

* * *

Сцена 14. 1941 год, начало сентября. Москва.

Один из сидевших в кабинете Сталина проводит совещание с агентами спецслужб. Слышится конец его речи:

— ...никакой жалости к тем, кто остался на оккупированной территории. Забудьте о том, что это наши люди. Кончится война, мы еще будем

разбираться с каждым, кто и почему остался. И еще: немцы расстреливают евреев. Не вздумайте спасать их, ставя под угрозу ваши задания. Помните, что даже самое малое наше поручение важнее жизни тысяч каких-нибудь никому не нужных евреев. Мы не нанимались их защищать и обслуживать!

Ваша группа направляется в Харьков и Харьковскую область. Стратегические и тактические интересы войны требуют выравнивания линии Юго-Западного фронта по Северскому Донцу. Сосредоточение наших войск на восточном берегу реки уже начинается и к середине октября будет закончено. Харьков и большая часть его области, таким образом, окажутся во временной оккупации. У вас есть более месяца, чтобы вписаться в жизнь города и его окрестностей и вместе с местными товарищами создать надежную агентурно-диверсионную сеть, которая облегчит нашей армии начало контрнаступления на этом важнейшем участке фронта.

Уже послезавтра вы станете в Харькове управдомами, дворниками, продавцами в магазинах, официантами в столовых, что поможет вам смешаться с населением и не вызовет вопросов, почему вы не покидаете город. Дальше — действуйте по обстановке. Связь вас найдет. И еще раз напоминаю: никакой жалости, и победа будет за нами!

* * *

Сцена 15. 1941 год. сентябрь. Харьков.

Очереди за хлебом и другими продуктами. Ежедневно отбывают эшелоны в эвакуацию. В коммунальной квартире Люса появляется невзрачный человек с незапоминающимся лицом. Впрочем, зритель уже видел его на совещании в Москве. Здесь же он представляется новым «управдомом». Расспрашивает Люса и его мать, где остальные «прописанные» в комнате жильцы — отец, брат Люса. Получает ответы. У соседей — Михайловых

этот же «управдом» проверяет полученные сведения. Говорит им:

— Вы же знаете евреев! Все время что-то комбинируют...

Михайловы выслушивают эти слова с изумлением: они впервые за многие годы слышат такие речи от «официального» советского администратора. Потом они пытаются объяснить, что семья Люса — «правильная», «советская», но «управдом», не дослушав их, уходит.

* * *

Сцена 16. 1941 год, 23 октября. Харьков.

Возвращается из больницы отец Люса. Он еще слаб, но всех врачей мобилизовали и вывезли из города. Сестра-хозяйка закрыла больницу. Остатки продуктов и белье сестры и санитарки разобрали по домам. Улицы города почти пусты. Власть нет. Полыхают пожары и слышны взрывы: это уничтожают заводы, фабрики, здания — «чтобы не достались врагу!» Горит подожженный советскими спецслужбами знаменитый «Дом проектов» — первый украинский «Небоскреб». Пытались взорвать второе «высотное» по тем временам здание — «Госпром», но не получилось. Материал оказался крепче взрывчатки. Только стекла повывлетали. Население растаскивает продукты из брошенных и чудом уцелевших складов продовольственных предприятий. Люс с приятелями побывали на кондитерской фабрике Жоржа Бормана и принесли мешок шоколадных бобов. Потом помчались на бисквитную фабрику, где им достался ящик с печеньем и несколько банок с топленым маслом.

* * *

Сцена 17. 1941 год, 24 октября. Харьков.

Утром в город вступают немцы. Люс и его друзья наблюдают за немецкими солдатами из

безопасного места. Редкие выстрелы. Сопротивления нет. Через несколько дней вдруг прогремел сильный взрыв радиоуправляемого фугаса в особняке на Мироносицкой улице, где расположился один из немецких штабов. Немцы сразу же схватили более тысячи заложников. Разместили их в бывшей гостинице в центре города. Потом всех расстреляли, так как «виновников» не нашли. После этого в городе некоторое время было относительно спокойно.

* * *

Сцена 18. 1941 год. 30 октября. Харьков.

Люс с матерью возвращаются с базара, где пытались продать какое-то барахло. Их останавливает немец-офицер. На ломаном русском языке спрашивает, как ему пройти на улицу Гоголя. Мать Люса отвечает ему по-немецки. Немец удивлен, услышав родную речь. Потом спрашивает по-немецки:

— Вы, наверное, еврейка?

— Да!

— Я вам советую срочно со всей семьей покинуть город. Уезжайте в какое-нибудь глухое село. Здесь евреям скоро будет очень плохо.

И он пальцем показывает, как нажимают курок.

— Как мы может ехать или уходить, когда отец еще еле ходит по комнате? — говорит Люсу мать, рассказав перед этим о странном совете немца.

Сцена 19. 1941 год. 15 ноября. Харьков.

Прошел почти месяц оккупации. Голодно. Мать Люса и матери его друзей отправились по селам на «менку». Отец Люса только начал выходить на улицу и еле уберегся от очередной облавы на заложников после очередного радиоуправляемого взрыва, на сей раз «Дома офицеров» —

большого здания возле старого университетского корпуса. В бывшем «Доме офицеров» размещалась немецкая военная администрация.

Тем временем город был разделен на районы по номерам. Появились объявления о деятельности районных управ. Стала выходить нацистская газета на украинском языке. Открылась четырехклассная школа. Никаких особых распоряжений в отношении евреев пока не было.

Только в день возвращения матери Люса и ее соседок из сел с продуктами, выменянными на разное барахло и детские игрушки, в коммунальную квартиру пришли проводить «перепись населения», объявленную управами еще за неделю до этого. Перепись проводили представитель управы, полицаи и тот самый, уже знакомый нам «управдом». Переписывали всех подряд в заранее заготовленные формы. Единственное отличие в отношении евреев — их записывали в формуляры на желтых листах. Переписчики ушли, и в жизни вроде бы ничего не изменилось.

Сцена 20. 1941 год, 14 декабря. Харьков.

Вдруг появляются объявления, приказывающие евреям 15 декабря собраться в указанных в них местах города. В коммунальной квартире Люса все соседи собрались в кухне и шумно обсуждают, идти или не идти семье Люса к указанному для этой улицы месту сбора евреев — к большой синагоге. Соседи советуют не идти, выждать, посмотреть, что будет дальше, но мать и отец Люса решают, что они пойдут, «чтобы не было хуже и нам, и им» (соседям).

* * *

Сцена 21. 1941 год, 14 декабря. Харьков.

В задней комнате за кабинетом начальника одной из районных управ идет тайное совещание.

Высвечивается несколько лиц — агентов советских спецслужб, проходивших инструктаж в Москве в начале сентября. Среди них и «управдом», опекающий дом, где живет Люс. Инструктаж ведет советский резидент, пробравшийся в бургомистры района:

— Предстоит «акция» в отношении евреев, — говорит он. — Спасти их мы не сможем, даже если бы очень хотели. Люди эти обречены, а у нас другие задания, и, чтобы мы их могли успешно выполнить, нам в связи с этой акцией представляется шанс завоевать доверие немцев, если мы будем активны. Выявляйте для этой акции всех известных вам евреев. Малейшая ваша слабость, жалость вас выдаст, и тот, кто их допустит, — сорвет не только свое задание, но и поставит под удар жизнь и работу других. Помните, что в гестапо выбивать секреты умеют не хуже, чем у нас в НКВД. Вопросов нет? Всем за дело.

* * *

Сцена 22. 1941 год, 15 декабря. Харьков.

Снова коммунальная квартира Люса. Утро. Громкий стук в общую входную дверь. Врывается «управдом», недавно получавший инструкции советского резидента. Поднимает крик:

— Эти жида, оказывается, еще здесь! Что, распоряжения властей к вам не относятся? А ну быстро к своей синагоге!

Люс и его семья обнимаются с соседями. Женский плач. Слезы. Взяв небольшие заранее приготовленные узлы и старый чемодан, выходят на улицу. Соседки провожают отца и мать Люса, а он сам идет рядом с друзьями — Анатолием и Николаем. Не спеша бредут по переулку. Выходят на Пушкинскую улицу. Там у синагоги — и во дворе молельни, и вокруг на улице — толпа людей, тесно прижавшихся друг к другу. Соседи Люса и его друзья остаются сзади.

Лютый мороз. Над толпой поднимается пар от дыхания тысяч людей. Многие качаются и пытаются подпрыгнуть, чтобы согреться. Объектив оператора выхватывает лица и фигуры: старушка, из пазухи которой выглядывает мордочка маленькой собачонки, девочка с закутанной в одеяло клеткой приоткрывает полог, разговаривая с канарейкой, и другие картины.

* * *

Сцена 23. 1941 год. 15 декабря. Харьков.

Бесконечная человеческая толпа движется по проезжей части заснеженной улицы. Толпу подгоняют дюжие полицаи славянского облика. Среди них и уже знакомый нам «управдом». Командуют ими несколько немцев. Полицаи бьют палками отстающих и тех, кого толпа выталкивает на тротуар. Некоторые тянут свои пожитки на санях, на которых горкой сложены чемоданы, узлы. Другие везут на санках детей, стариков. Почти все идущие — женщины, молодые и старые, дети, старики. Мужчин почти не видно. Камера останавливается на лицах Люса, его матери, поддерживающей шатающегося от слабости отца. Они идут почти налегке: мать несет небольшой узел, а Люс — чемодан и еще один узелок. В одном месте улица сужается и проходит между двумя нависшими над ней холмами. На холмах — подростки славянского облика. У них в руках длинные жерди, похожие на удилица, к концам которых привязаны веревки с крючками. Подростки забрасывают свои «удочки» вниз в толпу, целясь в узлы и чемоданы, сложенные на санях, цепляют их и поднимают к себе. Конвоиры не обращают внимания на эти забавы. Стариков, падающих без сил, оттаскивают за заборы и строения. Оттуда доносятся выстрелы, но смысл происходящего еще явно не доходит до большинства. Движение. Движение. Движение. Люди

ежятся от холода и холодного ветра. Конвоиры время от времени прикладываются к флягам. Движение.

* * *

Сцена 24. 1941 год. 16 декабря. Харьков.

Толпа людей согнана на площадку перед бараками, расположенными на самой окраине города. Дальше — покрытая снегом степь. Толпу окружают немецкие солдаты и полицаи из местных. Выступает немец с переводчиком:

— Ваше переселение в специальные поселки планируется в скором времени, как только будут готовы транспорт и условия для расселения. А пока вы все должны сдать драгоценности. Деньги, вырученные от их продажи, будут потрачены на ваше обустройство на новом месте.

Начинается сбор драгоценностей. Все сдающие записываются в ведомости. Немцы несут наружное охранение. Вся эта процедура как-то успокаивает евреев. Слышатся негромкие слова:

— Не могут же они убить столько людей!

Двое немцев заняты приемом золотых украшений. Внутренний порядок обеспечивают полицаи.

Отец Люса сталкивается с «управдомом», дает ему свой старинный серебрянный перстень (Люс с самых малых лет помнил его на безымянном пальце отцовской левой руки) и просит его:

— Принеси мне мой чемоданчик с инструментами. Соседи покажут, где он стоит, а мне понадобится на новом месте, когда будем устраиваться...

— Конечно понадобится! Конечно принесу! — говорит «управдом», перемигиваясь с другими полицаями, смеясь и разглядывая темный камень перстня с вырезанным на нем непонятным знаком. Люс наблюдает эту сцену. «Агат» — вдруг вспоминает он название камня.

* * *

Сцена 25. 1941 год, 20 декабря. Вечер.

К одному из зданий в Харькове подъезжает автобус. Из него выгружается человек 15. В основном немцы. С ними три хорошо экипированных полицаев. Это «зондеркоманда 4а».

* * *

Сцена 26. 1941 год, 21 декабря. День.

В здании немецкой комендатуры командир зондеркоманды ведет переговоры о сроках проведения «акции». Убийца жалуется на «усталость» своих «людей». У них было много «работы» по пути в Харьков.

Комендант сердится, но в конце концов обещает попытаться согласовать с самим фон Райхенау, лично курирующим харьковскую «акцию», возможность «рождественских каникул» для «уставшей» от убийств женщин, стариков и детей зондеркоманды.

* * *

Сцена 27. 1941 год, 24 декабря. Харьков.

Большая комната в доме, где расположилась зондеркоманда. Собралась почти вся немецкая часть этого отряда убийц. Входит командир и сообщает радостную весть: команде дарован отпуск на три дня.

Быстро накрывается стол. Пир в разгаре. Набравшись шнапса, убийцы распевают сентиментальные рождественские песенки. Когда все замелели, вспомнили о полицаевых, разместившихся в другой комнате. Кто-то предложил передать им несколько бутылок водки, но командир махнул рукой, сказав:

— Славянские свиньи обойдутся и без праздника. Споют уже тогда, когда мы будем кончать их самих!

* * *

Сцена 28. 1941 год, 25 декабря. Харьков. Вечер.

Барак, переполненный стариками, женщинами и детьми. Все одеты в зимнюю одежду. Окна с выбитыми стеклами завешены одеялами. Из-под одеял кое-где пурга намела снег. Стоны. Плач детей. В некоторых темных углах горят свечи.

Высвечиваются лица Люса, его отца, лежащего на каких-то досках, его матери. Продуктов ни у кого нет. Люс говорит, что он может «сбежать» в город и раздобыть еду. Мать сначала возражает, но потом соглашается.

* * *

Сцена 29. 1941 год, 26 декабря. Харьков. Утро.

Люс проходит мимо немца-конвоира. Немец останавливает его. Люс раскрывает перед ним пустую сумку и пытается объяснить на идиш, что он идет за хлебом и обязательно вернется. Но немец не понял его, и, думая, что тот, наоборот, приносил хлеб в бараки и теперь возвращается. Немец толкает его прикладом в спину в сторону города и кричит по-немецки:

— Чтоб я тебя больше здесь не видел!

Люс убегает в город.

* * *

Сцена 30. 1941 год, 26 декабря. Харьков.

Люс в своей коммунальной квартире. Их комната еще не заселена. Соседи обступили Люса, потом повели на кухню покормить.

Люс порывается сразу же вернуться к родителям, но соседи его уговаривают остаться переночевать, помыться и обещают утром собрать для него продукты. Люс укладывается спать у Михайловых, чтобы не попасть в одну из облав, которые устраиваются в городе в поисках спрятавшихся евреев.

И не зря, потому что перед самым комендантским часом в квартиру заглядывает «управдом». Он осматривает комнату Люса, брезгливо роется в вещах.

Люс, подсматривая за ним, видит, как на его руке блеснул отцовский перстень. Чемоданчик с отцовскими инструментами стоит на месте. «Управдом», зная о каком «переселении» евреев идет речь, не собирается выполнять просьбу отца Люса.

* * *

Сцена 31. 1941 год, 27 декабря. Харьков.

Утро в коммунальной квартире. Друзья, пытаясь разбудить Люса, замечают, что он бредит. Женщины обнаруживают у него сильный жар, тяжелая простуда от переохлаждения. Со страхом на лицах они решают его оставить.

* * *

Сцена 32. 1941 год, 27 декабря. Харьков.

Зондеркоманда 4а прибывает к баракам еврейского лагеря смерти, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией и контингентом, с которым им предстоит «работать». С удовлетворением отмечают, что почти все — женщины, дети, старики.

Собираются отправиться посмотреть место расстрелов.

Командир зондеркоманды штандартенфюрер СС Блобель приказывает «на всякий случай» отобрать немногочисленных взрослых мужчин. Людям объясняют, что они нужны, чтобы подготовить место будущего поселения и там будут ждать остальных. Этих «первых поселенцев» набирается человек двести. Их везут к месту казни и расстреливают над оврагом.

— Вот и поразмялись, — говорит Блобель.

* * *

Сцена 33. 1941 год, 30 декабря. Харьков.

Люс, наконец, может подняться с постели. Он порывается немедленно идти к родителям, но соседи его не пускают. При малейшем шуме на лестнице за дверями его прячут в захлавленной кладовке.

* * *

Сцена 34. 1942 год, 2 января. Харьков.

Евреев из лагеря смерти начинают «переселять». На расстрел отправляют партиями по 300–500 человек несколько раз в день. Расстрелы часто прерываются налетами советской авиации, базирующейся за Донцом в нескольких десятках километров от места расстрела.

* * *

Сцена 35. 1942 год, 3 января. Штаб командования 70ю - Западного фронта.

Информация летчиков о массовых расстрелах под Харьковом «по команде» докладывается командующему фронтом маршалу Тимошенко. Докладывающий уходит. Присутствовавший на докладе член Военсовета фронта Н. Хрущев вопросительно смотрит на Тимошенко. Тот говорит беспечным тоном:

— Так... Ерунда. Жидков шлепают. Все в порядке.

* * *

Сцена 36. 1942 год, 8 января. Харьков. Утро.

Люс, наконец, сумел убедить соседей, что он здоров, и, собрав ему немного еды, его отпускают. Он идет пустынным городом в морозное зимнее утро. Редкие прохожие. Иногда тускло светит солнце, временами срывается снег, метель.

Люс решает подойти к баракам с другой стороны, чтобы не нарваться на того же охранника. Делает большой круг и выходит к оврагу. Пытаясь

пройти этим оврагом, он вдруг осознает, что идет по присыпанным снегом мертвым телам.

В одно мгновение ему все становится ясно.

Ему вдруг кажется, что он слышит женский стон.

— Мама!

Но в ответ прозвучал немецкий окрик, и он видит вооруженного немца прямо над собой на краю оврага.

Немец принимает его за мародера, отбирает сумку и заглядывает в нее. Увидев еду, он кричит на Люса по-немецки:

— Домой, домой! Уходи! Стреляю.

Люс убегает прочь от немца. Оглянувшись, он видит, что немцев уже трое. Они весело смеются, и один из них делает вид, что собирается выстрелить из автомата, но не стреляет.

* * *

Сцена 37. 1942 год, 8 января. Харьков.

Квартира при штабе 6-й немецкой армии. Фельдмаршал фон Райхенау разбит параличом. Еле-еле говорит:

— Доложите фюреру! (В штабе шифруют донесение в Берлин.) — К сегодняшнему дню все евреи покинули Харьков.

Молодой штабист с удивлением перечитывает текст. Пожилой ему объясняет:

— Фюрер очень расстраивается, когда узнает о расстрелах и убийствах!

* * *

Сцена 38. 1942 год, 8 января. Москва.

Главный штаб партизанского движения. Кабинет большого начальника. Ему докладывают:

— Донесение из Харькова. Вся наша сеть внедрена без потерь. Доверие немцев к нашей агентуре обеспечено ее активным участием в известной вам «акции».

— Что ж. Отлично. Есть о чем доложить
вождю!

* * *

Сцена 39. 1942 год, 8 января. Харьков. Вторая половина дня.

Люс прибегает в коммунальную квартиру. Он не плачет, но все время повторяет:

— Они всех убили!

Его успокаивают, кормят. На своем совете соседи решают оставить его в квартире. Время от времени его прячут в кладовке, поскольку, по слухам, облавы на спрятавшихся евреев в городе не прекращаются. Так проходят два месяца.

* * *

Сцена 40. 1942 год, середина марта. Харьков.

Слухи об облавах по-прежнему будоражат город.

У одной соседской семьи есть родственники в довольно глухой деревне в западной части Харьковской области, и соседи решают, что если и дальше держать Люса в кладовке, то он сойдет с ума.

Люсу объясняют, как пробраться в деревню, где он будет в безопасности. Один из друзей Люса — Коля Михайлов — добывает в управе «справку о месте жительства» и передает ее Люсу. Теперь он становится «Николаем Михайловым».

Ранним утром следующего дня Люс прощается с соседями. Женщины плачут.

Люс выходит на улицу.

* * *

Сцена 41. Тот же день.

Люс идет по городу. Идет мимо синагоги, где три месяца назад собирали евреев. Заходит во двор у синагоги. Обращает внимание на ворох

какой-то бумаги, сметенный в угол двора. Берет несколько скрутившихся в трубочку листков. Разворачивает. Это оказываются выброшенные фотографии. Он рассматривает немного расплывшиеся от сырости лица. С одной из них, хорошо сохранившейся, смотрит еврейская семья: мужчина в военной форме, красивая женщина и двое темноглазых детей. Люс вздрагивает: «Неужели этих детей уже нет на свете?!»

Люс, теперь Николай Михайлов, идет дальше, спускаясь к Подолу.

* * *

Сцена 42. Тот же день.

Пересекая Подол, Люс проходит мимо двухэтажного дома, где жил его дядя — двоюродный брат отца, о котором Люсу было известно, что он вместе со всей своей семьей эвакуировался вместе с заводом. И вдруг Люс в пробежавшем мимо десятилетнем мальчишке узнает сына этого дяди — Петра, Петю. Он останавливает его и узнает, что эшелон, куда погрузились его отец и мать, очень долго стоял на внутригородской железнодорожной станции Левада, до которой от их дома было минут пятнадцать ходьбы. Петя отпросился сбежать домой за своим велосипедом, и, пока он ходил, поезд ушел. Это было дня за два до прихода немцев. Петя ушел к себе домой. Когда на Подоле появились немцы в их квартире поселился немецкий ефрейтор по имени Карл. Он спрятав в этой квартире Петю и одну девочку — еврейку, когда евреев собирали в лагерь смерти. «Иначе канут!» — сказал он им, и те пересидели с месяц, как мыши, питаясь тем, что приносил Карл, который заведывал хозяйством в какой-то размещенной на Подоле части немецкого гарнизона. Девочке он до сих пор запрещает выходить на улицу, а Пете сказал: «Не такой уж ты еврей!» — и приспособил его возить из реки воду в бочке на

телеге с лошастью. Петя с трудом уговорил Люса, боявшегося немцев, встретиться с Карлом:

— Он поможет!

* * *

Сцена 43. Тот же день. Время обеда.

В квартире Пети обедает Карл. Петя и Люс, немного знавшие идиш с трудом объясняются с Карлом. Карл говорит, что Люса он не сможет ни спрятать, ни приспособить к какой-нибудь работе. Это вызовет подозрения и будет плохо всем.

— Тебе нужно уходить в деревню! Там у кого-нибудь пристроишься.

* * *

Сцена 44. Тот же день.

Петя провожает Люса. Они по кладкам (временному деревянному пешеходному мосту) переходят речку. За рекой Петя вдруг говорит:

— Здесь за Нетеченской улице есть двухэтажный дом, где живут армяне. Они от турок бежали, когда те их резали. Давай зайдем. Они прячут двух мальчишек-евреев, я их знаю: одного теперь зовут Карен, другого Ашот, но они — евреи. Может и для тебя что-нибудь придумают.

Заходят во двор дома, где встречают пожилую армянку. Петя здоровается и просит спрятать брата.

— Мы уже больше не можем, нас всех переписали, — выделяя слово «больше», говорит армянка и продолжает: — Если бы ты хоть на армянина был похож, сказали бы, что приехал, а ты — вылитый русский парень, и, увидев тебя здесь, они сразу поймут, что ты прячешься. Иди в село, там спокойней!

* * *

Сцена 45. Тот же день.

Люс спешит к южным городским окраинам, стараясь уйти из города до комендантского часа. По пути он встречается Майю. Майя рассказывает, что ее родители, уходя в лагерь смерти, отправили ее «на всякий случай» к хорошей знакомой в частный домик на этой окраине. Она переждала там три месяца. Могла бы и остаться — тетя Аня и ее соседи хорошие, никогда никого не выдадут, но она узнала, что фронт совсем близко, за Донцом, и решила уйти «к нашим».

— Я же комсомолка! Мне уже семнадцать лет и мое место на фронте!

Стала уговаривать Люса идти вместе с ней.

* * *

Сцена 46. 1942 год, конец марта. Харьковская область.

Люс и Майя пробираются поближе к фронту. Уже слышна канонада, но чем ближе к фронту, тем чаще попадают немецкие патрули. Люс и Майя разговаривают с крестьянами. Узнают, что дальше к Донцу подойти невозможно. Там укрепленный район немцев, и, если они даже подойдут где-нибудь к Донцу, то перейти его по весеннему льду, да еще под обстрелом с двух сторон, не сумеют. Крестьяне говорят, что наши скоро пойдут в наступление. Майя предлагает Люсу остаться здесь и ждать «наших». Одиноким старик пустил их переночевать в сарай, наполненный сеном. Там же находился теленок и было довольно тепло. Они спят в обнимку. Ночью Люса охватывает желание. Он дает волю рукам, но Майя останавливает его: — Я же старше тебя и скоро буду тебе казаться старухой! Да и не по-комсомольски это. Мы ведь друзья.

Люс постепенно успокаивается, но руки его вдруг обретают нежность. Они забываются в беспокойном сне.

* * *

Сцена 47. Утро следующего дня.

Люс и Майя обходят крестьянские дворы, пытаюсь договориться, что они пробудут здесь до прихода «наших». Все отказываются из страха перед немцами и полицией, время от времени проверяющими село. Лишь одинокий старик, чей дом стоял чуть в стороне от села, говорит:

— Дивку визьму, а хлопця не можу, бо прийде поліцай, усих постріляе. Мени то що — я старий, але усе селище загине...

Люс прощается с Майей и уходит на запад, чтобы отыскать тех, к кому его направили Михайловы.

* * *

Сцена 48. 1942 год, начало апреля. Харьковская область.

Люс уже потерял счет дням, потраченным им на дорогу. Он бредет полями и перелесками, стараясь не выходить на проезжие дороги, чтобы не попасться немецким патрулям. В селах и на хуторах выпрашивает пищу. Дают очень немного. Все на грани голода. Нет скота и, кажется, вообще никакой живности — собак перестреляли немцы, а кошек, вероятно, съели.

Люс обессилел и, пренебрегая осторожностью, подходит к небольшому хутору неподалеку от села, которое он обошел стороной. К его удивлению первая встреченная им на хуторе женщина оказалась еврейкой. Она провела его во флигель, где она жила с двумя маленькими детьми. Накормила Люса. Рассказала, что она — жена директора школы и учителя в этом селе. Мужа мобилизовали в армию. Его в селе очень любили, и никто на них не донес, а когда здесь обосновалась небольшая немецкая часть, офицер взял ее кухаркой.

— Он добрый! Никогда ложку ко рту не поднесет, не спросив, накормила ли я своих детей!

Она повела Люса показать офицеру. Тот посмотрел, повертел в руках справку на Николая Михайлова и махнул рукой, показывая, что разговор закончен.

Люс прожил во флигеле несколько дней, пока однажды утром в комнату без стука вошли офицер, его денщик Генрих и какой-то полицейский.

— Конечно, это жида! — сказал полицейский. — Нам сообщили правильно!

— Откуда мне знать, кто из вас тут еврей, а кто нет, — ворчливо сказал офицер полицейскому. — Для меня и ты сам — еврей, но раз ты говоришь, что они еврей, значит Генрих их сейчас же расстреляет. Генрих, выполняй!

Из всех этих слов полицейский понял, что Генрих сейчас расстреляет этих евреев. Он хотел сказать, что это обязан сделать он сам, но офицер вывел его, подталкивая в спину, со словами: — Шнапс! Шнапс!

Генрих быстро всех выгнал на улицу и повел на опушку леса. Женщина несла ребенка на руках, а мальчик постарше бежал с ней рядом. За ними плелся Люс и шел Генрих с автоматом. Женщина была бледна как мел, но не плакала.

Офицер и полицейский смотрели им вслед, а потом ушли в хату. Генрих привел их к стогу старого сена на опушке леса и заставил всех туда забраться.

— Сидеть, пока я не приду! — сказал он и дал несколько очередей из автомата в воздух.

Генрих пришел за ними, когда пьяного полицейский увез в районный центр немецкий мотоциклист. Но Люса уже не было. Он немного раньше попрощался с женщиной и ушел в лес.

* * *

Сцена 49. 1942 год, вторая половина апреля.

Люс приходит в городок Валки. Здесь его хватают полицейские и ведут к начальнику управы. Тот

читает справку, слушает объяснение Люса — «Николая Михайлова», но решает его задержать, поскольку имеет указание гестапо задерживать всех бродяг и подозрительных. В начале мая очередной раз приедет с инспекцией гестаповец из Харькова и разберется.

Люса помещают в камеру при управе. Там уже находятся два арестованных парня. Их выводят на разные погрузки и уборки. Режим их содержания — мягкий. Они общаются с жителями городка.

Гестаповская инспекция задерживается, а в 10-х числах мая они узнают от жителей о начале советского наступления. Ждут «наших».

Люс думает о Майе, что с ней, как она там.

* * *

Сцена 50. 1942 год, 14 мая. Советский 700-й Западный фронт.

Через деревню, где осталась Майя, проходят отступающие немецкие части с тяжелой техникой. За ними по следам идет кавалерийская группа генерала Бобкина. Потом появляется советская пехота. В селе располагается штаб одной из частей 6-й советской армии. Майя приходит в штаб. Ее направляют в «особый отдел». Она рассказывает о себе. Начальник «особого отдела» допрашивает ее. Задает вопрос: «Как же так — всех евреев убили, это мы точно знаем, а тебя нет? Чем ты немцам так понравилась?» Она еще раз пересказывает свою историю, говорит, что она комсомолка, от немцев пряталась и ушла из города к «своим». Начальник выходит. Она слышит разговор из коридора. Кто-то говорит начальнику спецчасти: «Красивая жидовочка тебе попалась. Что будешь с ней делать?» Ответ: «Трахну и отправлю в часть санитаркой». — «А если не даст?» — «Тогда отправится в ла-

герь». Майя представляет себе, как его волосатые лапы шарят по ее телу. Начальник возвращается и говорит: «Сейчас пойдем ко мне в хату, там я проверю, врешь ли ты, что еще девушка, а если нет, значит спала с немцами, стала их шпионкой и пришла к нам по заданию». Майя кричит: «Никуда не пойду». Она почти в истерике. На крик заглядывает начальник штаба. «Что тут?» — «Да вот — немецкая шпионка!» — «Ну отправь ее под конвоем в тыл. Там разберутся, а мы здесь не можем возиться с каждой блядью». Начальник особого отдела пишет «сопроводиловку», говорит: «Вот ты и доигралась!» Вызывает конвой. За Донцом в штабе фронта никто с ней разбираться не стал, и сразу же отправляют под конвоем в тыл. Через месяц после заседания «военного трибунала», где на ее «дело» было затрачено десять минут, Майя оказывается в сибирском концлагере на лесоповале. Майя в телогрейке с тоской смотрит в объектив.

* * *

Сцена 51. 1942 год, конец мая.

Люс и его сокамерники во время уборки во дворе управы узнают о «страшном разгроме» советских войск под Харьковом, о «миллионе» пленных и убитых и о том, что советские части уже покинули свои рубежи вдоль Донца и бегут на восток к Дону и Волге. Те, кто им рассказывает эти скорбные вести, не скрывают слез. Люс удручен: его надежде на скорое освобождение «нашими» не суждено сбыться.

На следующий день приезжает гестаповец из Харькова. Ему некогда заниматься бумагами арестованных, и он забирает всех содержавшихся при управе подростков с собой в Харьков.

* * *

Сцена 52. 1942 год, начало июня. Харьков. Холодногорская тюрьма.

В ней около тысячи раненых советских военнопленных. Лежат и на нарах и на полу, оставляя узкие проходы. Люс, который уже привык откликаться на имя «Николай», с ребятами мотается по этим проходам, вынося судна, подавая воду, разнося скудную еду. Люс безотказен, откликается на любую просьбу. Его все любят. Обращаются к нему «сынок», говорят о нем «наш сынок». Один тяжелораненый, расспросив Люса и узнав, что его родители погибли, говорит ему:

— У меня младший брат такой, как ты. Если выживем, поедem ко мне в село. Рязанский я. О Есенине слышал, наверное. Он наш, и места там красивые. Утром выйдешь к реке, дух захватывает! Ну а если я помру, а ты освободишься, поезжай туда после войны. Обо мне Расскажи. Тебя там как родного примут.

Люс обещает.

Через месяц в тюрьме начинается сыпной тиф. Люс заболел одним из первых, и через несколько дней кризис прошел, а еще через неделю он встал на ноги. К тому времени немцам надоело возиться с ранеными, и они решили всех перестрелять, опасаясь эпидемии. Люс со своей обслуживающей командой перетаскивает трупы к машинам. Он слышит разговоры шоферов, что мертвые тела отвозят и сваливают в тот самый овраг, над которым были расстреляны его мать и отец.

В тюрьме производят санитарную обработку и ставят ее на карантин, а всех ребят из обслуживающей команды перевозят в маленькую пересыльную тюрьму возле вокзала.

* * *

Сцена 53. 1942 год, август. Харьков. Пересыльная тюрьма.

Люс в тесной камере, лежит на матрасе, брошенном на пол. Команда: «Встать!»

На пороге возникает надзиратель, а с ним два немца и переводчик. Немец говорит, а переводчик переводит:

— У вас всех появляется возможность близко познакомиться с великой немецкой культурой. Вас приглашают на работу в Германию, где каждый получит полезную специальность. Ну а кто не хочет ехать, будет передан в гестапо для выяснения личности. Начинается запись «желающих выехать на работу в Германию». Среди записавшихся и «Николай Михайлов», он же Люс. Люс как-то быстро повзрослел, и переводчик, записывая его в ведомость отъезжающих, не спрашивая, поставил в графе возраст — «20 лет». В конце объявление: «Домой съездить нельзя. Остаетесь здесь до выезда».

* * *

Сцена 54. 1942 год, 10 августа.

Эшелон с будущими оstarбайтерами уходит из Харькова. В окошке одной из теплушек лицо Люса. Он смотрит, как на его глазах исчезают вдали городские окраины. Поезд идет по лесостепи, потом углубляется в лес.

* * *

Сцена 55. 1942 год, 14 августа.

Пересыльный лагерь на бывшей польской границе СССР. По огороженной и охраняемой военными надзирателями территории с несколькими бараками бродят молодые парни и девушки. В конторе идет быстрый медосмотр, который проводит хорошо говорящий по-русски врач из прибалтийских немцев. Осмотр производится сплошным потоком. Врач задерживает Люса, и они остаются в комнате одни. Люс голый и, как и все, закрывает пах руками. Врач отводит его руки и, указывая пальцем в пах Люсу, говорит:

— Не притворяйся мусульманином. Тебе приведут и татарина, и узбека, и все выяснится. На всех будущих медицинских осмотрах говори, что у тебя была сросшаяся кожа, закрывавшая головку, и тебе сделали операцию. Запомнил? Ну, даст Бог — выживешь!

Врач отпускает Люса.

* * *

Сцена 56. 1942 год, 16 августа.

Поезд, составленный из полуразбитых пассажирских вагонов, идет по Германии. В окне одного из этих вагонов — лицо Люса.

* * *

Сцена 57. 1942 год, 18 августа. Германия.

Еще один распределительный лагерь — под Берлином. Сначала наиболее крепких парней отбирают эсэсовцы, а потом уже остальных делят между собой промышленники и фермеры. Люс оказывается в «эсэсовской» группе.

* * *

Сцена 58. 1942 год, середина декабря. Бавария.

Люс и еще двое парней из его эшелона на вспомогательных работах под командой эсэсовца в лагере военнопленных англичан и французов. Люс уже хорошо говорит по-немецки. Он сумел уловить немецкие корни в идиш и отделить их от других языковых включений. Немцы, не знающие, кто он и откуда, находят у него лотарингский акцент. Англичане и французы, знающие немецкий язык, считают его немцем, но симпатизируют ему, очарованные его доброжелательностью. Он часто работает в лагерном лазарете. Учитывая знание им немецкого языка, его иногда используют для обслуживания эсэсовских пирушек по разным поводам и без повода. Это дает

Люсу возможность хоть временами досыта наедаться. Он — светловолосый и светлоглазый (серо-голубой цвет глаз), с прямым коротким носом и вполне отвечает «арийскому идеалу».

* * *

Сцена 59. 1942 год, конец декабря. Бавария.

Эсэсовцы, управляющие лагерем военнопленных, празднуют Рождество Христово. У них в гостях офицер-чиновник из Главного административно-хозяйственного управления войск СС, некий Альфред. О нем говорят как о «правой руке» начальника этого управления Освальда Поля. Среди обслуживающих пирушку — Люс. Альфред, которого, встретить он в Харькове, Люс принял бы за еврея, поглядывает на Люса. Люс ловит эти взгляды и чувствует себя под ними неуютно.

Он слышит разговор.

— Кто этот парень? — спрашивает Альфред и с удивлением узнает, что это остарбайтер.

— Он же настоящий ариец! И какой у него немецкий! Я заберу его от вас... — говорит Альфред.

* * *

Сцена 60. 1943 год, февраль. Бавария.

В лагерь западных военнопленных прибывает предписание передать «Николая Михайлоф» в распоряжение Главного административно-хозяйственного управления войск СС. Люс в сопровождении эсэсовца уезжает в Берлин.

* * *

Сцена 61. 1943 год, февраль. Берлин.

Люс едет по Берлину. Следы бомбардировок. Разрушенные, но аккуратно огороженные здания. В Главном управлении его передают Альфреду.

Тот определяет Люса в свою команду в качестве грузчика и «прислуги за все». Эта команда под руководством Альфреда свозит в Берлин ценности — драгоценные металлы, золотые украшения, зубные коронки, отбираемые при различных акциях и концлагерях.

* * *

Сцена 62. 1943 год. Лето и осень.

Германия и оккупированные немцами территории. Перед глазами Люса, занятого рутинной работой, проходят различные концентрационные лагеря. Озверевшие эсэсовцы из лагерной охраны при Люсе расстреливают «непокорных и подозрительных», стреляют по людям просто для развлечения.

* * *

Сцена 63. 1944 год, февраль. Ашвиц.

Лагерное начальство «дает прием» в честь Альфреда и прибывших с ним эсэсовцев. Люс — среди обслуживающих это застолье. Среди пирующих — наводящая ужас на заключенных, красавица Ирма Грезе, «ангел смерти». Вводят нескольких «прилично одетых» девушек — евреек. Эсэсовцы набрасываются на них. Срывают одежды. Насилуют. Передают друг другу: «Попробуй эту!» Насытившись, оставляют их в покое. Девушки пытаются как-то поправить разорванную одежду. Некоторые тихо плачут. Ирма выгоняет их из зала и потом выводит из конторы. Слышны выстрелы и крики. Альфред тихо говорит Люсу:

— Ирма положила на тебя глаз. Не вздумай сопротивляться, если что...

Люс на кухне. Его посылают в полутемную кладовку за продуктами. Вдруг появляется Ирма. Молча толкает его на мешки, расстегивает ему

брюки. Расстегивает свою гимнастерку, рвет лифчик и обнаженной грудью прижимается к нему ниже пояса. Потом погружает свое прекрасное лицо в его пах.

Люс получает оплеуху за то, что «задержался» в кладовке.

По окончании застолья, после которого Альфред один сохранил остатки трезвости, он, улыбаясь, говорит ему:

— Ну, что, отсосала как следует? Можешь гордиться: за нее тут насмерть дерутся два вонючих козла — Крамер и Менгеле. К тому же пикантно получилось: гроза евреев — «светловолосый дьявол» — сосет обрезанный!

Смеется, а Люс застыл в страхе от того, что Альфред знает его тайну. Альфред делает вид, что не замечает испуга Люса, и продолжает:

— Зато теперь ты знаешь, что такое настоящая немецкая женщина!

И похлопав Люса по задку, смеясь, уходит.

* * *

Сцена 64. Начало 1945 года. Германия. Земля Тессен.

Команда Альфреда на западе быстро сжимающегося «тысячелетнего рейха» попадает в американскую засаду. Альфред куда-то исчезает — его нет ни среди пленных, ни среди мертвых. Пленных ведут в лагерь. Там Люса отделяют от эсэсовцев и перевозят в лагерь «перемещенных лиц» в Нидерландах.

* * *

Сцена 65. 1945 год, июнь. Нидерланды.

В лагере «перемещенных лиц» идет опрос: «Кто хочет вернуться в Россию?» Набирается немного, и среди них Люс.

— Вы хорошо подумали? — спрашивают его.

* * *

Сцена 66. 1945 год, июнь. Германия. Советская зона оккупации.

Люс в советском фильтрационном лагере. Идут допросы остарбайтеров и освобожденных пленных. Очередь доходит до Люса.

Люс сохранил справку, выданную Николаю Михайлову, предъявляет ее и рассказывает свою историю, опуская такие детали, как служба в эсэсовской команде Альфреда. Об этом периоде своей жизни он говорит, как о всяких вспомогательных работах в концентрационных лагерях. Бесстрастное лицо выслушивающего его рассказ офицера, который время от времени делает пометки в своих бумагах.

— Проверим! — говорит он, забирая справку.

* * *

Сцена 67. 1945 год, конец августа. Тот же фильтрационный лагерь.

Люса вызывают в контору лагеря. Он приходит к тому же офицеру, который его допрашивал.

— Твой рассказ, в основном подтвердился. Должен тебе сообщить, что брат твой погиб смертью храбрых, — говорит ему этот следователь и продолжает: — Возраст у тебя как раз призывной. Людей здесь нам не хватает. Иди-ка послужи в армии и благодари нас за доброту. Года два-три назад ты бы так легко не отделался.

* * *

Сцена 68. 1945—1947 годы. Советская зона оккупации Германии.

Солдат Люс, снова ставший Ильей Флинкером, в советской военной форме в одной из воинских частей на окраине Дрездена. В этой части он встречает своего довоенного друга Толю. Тот рассказывает, что тоже был вывезен на работы в Германию, работал у фермера. Оба ведут счет

месяцам и дням, остающимся до возвращения домой, отмечая их на самодельном календаре.

* * *

Сцена 69. 1947 год, сентябрь. Харьков.

Люс и Толя вернулись в Харьков, идут по городу от еще не восстановленного полностью вокзала. Они оба в военной форме, но без погон.

Приходят в свою старую коммунальную квартиру к Михайловым. Родители Толи уже живут по новому адресу, и их комната, как и комната Люса, занята новыми жильцами. Причем, как рассказали Михайловы, в комнату Люса новые жильцы въехали еще при немцах. Открывается дверь и на пороге появляется здоровенный мужик:

— Чего тебе? — спрашивает он Люса.

— Я здесь жил, — отвечает Люс. — Не знаете ли вы, куда делись вещи, которые здесь были.

— Так ты уцелел, жидовская морда! — кричит мужик. — Вот, немцы — паскуды, ничего до конца сделать не могут, даже жидовских щенков перестрелять и то не сумели! На помойках ищи свои пархатые шмотки!

В раскрытую дверь комнаты виден старинный сервант, когда-то отремонтированный отцом Люса. Толя не выдерживает этой сцены, хватается мужика за волосы, вытаскивает в коридор и жестоко избивает его, пока тот не падает без сознания. Толя выливает на него полбутылки водки. Визжит женщина, выглядывая из комнаты Люса. Люс и Толя уходят к Михайловым. Спокойно обедают. Вдруг раскрывается дверь и появляется милиционер, а из-за его спины выглядывает женщина — жилища из бывшей комнаты Люса.

— Где здесь хулиганы? — спрашивает милиционер и проверяет увольнительные документы у Люса и Толи. Отдает честь и говорит, оборачиваясь к женщине:

— Это ребята из армии. Никаких хулиганов здесь нет.

На выходе из квартиры Толя говорит Люсу:

— Подожди, — и открывает без стука дверь бывшей его комнаты:

— Мы теперь будем бывать здесь частенько. Так что учтите!

* * *

Сцена 70. 1952 год. Харьков.

Люс работает в пекарне. У него небольшая комната недалеко от вокзала. Из родственников в Харькове остался только двоюродный брат отца. От него Люс узнает, что Петя в тюрьме — очередной раз попался на воровстве. Люс часто ходит пешком через центр города, вспоминая своих близких. Ему все кажется, что где-то здесь можно найти концы нити его жизни, разорванной войной, связать их и тогда уйдут тоска и печаль, и он снова будет счастлив, как тогда, утром 22 июня 1941 г., когда он еще не знал, что началась война.

* * *

Сцена 71. 1952 год. Конец июля. Харьков.

Во время одной из своих прогулок Люс встречает молодую еврейку и узнает в ней медсестру Анечку из военного госпиталя в советской зоне оккупации Германии, куда он несколько раз приходил на осмотры и за справкой о здоровье. Она тоже узнает его. Они часто встречаются, рассказывают друг другу о жизни и планах.

Когда она демобилизовалась после двух лет фронта, ее восстановили в медицинском институте, и теперь она уже врач и работает в детской поликлинике, обслуживающей район, где живет Люс. Она ему понравилась с первого взгляда еще в армии, и теперь он рад их встрече. Его немного

угнетает разница в их положении: он — пекарь, рабочий, а она — человек с высшим образованием. Но он с радостью замечает, что для нее это не имеет значения. Они начинают строить планы и в конце концов решают, что поженятся ровно через год, когда ей дадут обещанную комнату, чтобы они потом могли выменять себе более приличное жилье.

Сцена 72. 1952 год. Харьков.

Однажды он сидел в пивной на одной из центральных улиц, погруженный в такие воспоминания, и вдруг, очнувшись, заметил, что пивную кружку, стоявшую по соседству с его бокалом, берет рука, на одном из пальцев которой тускло блеснул перстень его отца. Подняв глаза, он увидел рядом с собой «управдома», отправившего на смерть его родителей и всех прочих евреев, живших на подведомственной ему улице. Тот его тоже узнает своим опытным «оперативным» взглядом.

— Жив жидок! Не бойся. Теперь я тебя не расстреляю. Пока! — тихо говорит он Люсу.

Люс, расстроенный, уходит, не допив пиво. Пройдя немного по улице, он возвращается и прячется в подворотне, откуда можно было видеть выход из пивной. Выходит «управдом». Он хорошо одет. На пиджаке два ряда орденских планок. Он беззаботно и как-то по-хозяйски идет по улицам. За ним в отдалении следует Люс. Доходит до дома, в парадном которого тот скрылся. Тихо поднимается по лестнице. Успевает заметить этаж, откуда был слышен стук закрывающейся двери. На этом этаже две двери. На них почтовые ящики, на одном из которых — мужская фамилия, на другом — женская. Люс повторяет мужскую фамилию, чтобы запомнить.

Сцена 73. 1952 год, октябрь. Харьков.

Люс получает повестку — явиться в местное управление КГБ.

В большой комнате два стола, за каждым из них сидит «сотрудник». К одному из них приглашают Люса.

— Вы обратились с заявлением о предателе, будто бы помогавшем немцам убивать советских людей. Должен вам сказать, что вы ошиблись. Товарищ Васильев — заслуженный человек. Он выполнял важное задание и не имел права рисковать, помогая тем, кого немцы все равно бы убили, — мягко и проникновенно говорит «сотрудник», а потом, перевернув несколько листов в лежащем перед ним досье, добавил: — Вы ведь были в советской армии и должны понять, что задание командования должно быть выполнено любой ценой. Так ведь?

— Так, — не очень уверенно отвечает Люс.

— Ну, давайте я вам отмечу пропуск. Всего вам доброго.

Люс уходит молча.

Принимавший его «сотрудник» говорит другому:

— Ишь, ершится жидок. Делает вид, что не понимает, что любое задание во время войны важнее, чем жизнь тысячи-другой жидовок и жиденят. Даже того, что его самого мы спасли, не хочет понять...

— Ну, судя по его бумагам, спасали его не мы, и вообще, он бы мог у американцев остаться, — отвечает другой.

— Какое это имеет значение. Важен принцип, — потом ухмыляется и спокойно говорит: — Он еще не знает, что мы ему через пару месяцев покажем... Пожалеет, что вернулся на родину.

Сцена 74. 1952 год, декабрь. Москва.

Совещание в одном из административных зданий без вывески в центре города. Немногочисленная аудитория. Проводят и присутствуют люди в штатской одежде. Среди присутствующих и тот «сотрудник», который два месяца назад вызывал Люса.

Выступающий говорит:

— На вас, присутствующих здесь, ляжет основная работа по реализации намеченного партией, правительством и лично товарищем Сталиным радикального оздоровления обстановки в Европейской части Союза. Это должно быть достаточно густое сито, чтобы после осуществления готовящихся мероприятий все нежелательные элементы были вывезены за Урал, а на этой очищенной территории осталась национально однородная, сплоченная, патриотически настроенная народная масса, и тогда мы сможем эффективно противостоять давлению Запада. Подробные указания будут даны вам через месяц. Слово предоставляется товарищу Суслову.

— Я хочу обратить внимание на необходимость эффективного идеологического обеспечения этих действий. Я понимаю, что у ваших специалистов есть опыт подобных операций на Северном Кавказе и в Крыму. Но здесь практически не будет иметь место компактное проживание тех, кому предстоит переселение. Может быть здесь будет полезен известный вам немецкий опыт избирательных чисток. Думаю, что поможет вам и анализ наших действий в Литве в 1945–1946 годах, когда мы с присутствующим здесь товарищем Судоплатовым произвели необходимую селекцию населения. Готовиться нужно серьезно, предусматривая все детали, не допускать мародерства и хищения ценностей.

Сцена 75. 1953 год. Конец января. Харьков.

Люс заходит в поликлинику, чтобы встретить и проводить домой Анну. Ему отвечают, что ее нет. Он в растерянности собирается уходить. За ним на крыльцо поликлиники выбегает пожилая санитарка — тетя Маша, очень любившая Анну, останавливает его и, давясь слезами, тихо говорит:

— Все! Нету нашей Аннушки! Увезли ее!

Люс ничего не понимает и думает, что она арестована, поскольку за две недели до этого в Москве арестовали «врачей-убийц». Наконец, сбивчивый рассказ тети Маши проясняет картину. Оказывается, две бабы, пришедшие с детьми лет по десять-двенадцать, устроили в регистратуре скандал, чтобы их не записывали к «этой жидове, которая убьет их детей!». Анна, речь шла о ней, в этот момент пришла туда, чтобы взять список и «истории болезней» записавшихся.

Услышав эти слова тех баб, которые еще месяц назад называли ее «самым лучшим доктором», Анна повернулась и ушла, не взяв бумаги, а через полчаса ее нашли мертвой в пустовавшем кабинете.

— Отравилась, милая! — рыдая, говорила тетя Маша. — Вот тебе записка, и клянусь я, что баб этих с их немецкими выблядками здесь на пороге больше не будет. Я уж знаю, что сделаю.

Люс развернул записку и прочитал пять слов, написанных рукой его любимой:

«Все было напрасно. Целую. Анна».

Тяжесть этой потери Люс осознал не сразу.

Сцена 76. 1953 год. март. Москва.

Документальные кадры похорон Сталина.

* * *

Сцена 77. 1953 год. март. Харьков.

«Сотрудник», принимавший Люса уже один в большом кабинете. Разговаривает с Москвой по спецсвязи. Оттуда команда: «Все прекратить,

любые записи, относящиеся к этой проблеме, уничтожить».

Растерянное лицо «сотрудника», кладущего трубку.

* * *

Сцена 78. 1954 год. Лето. Харьков.

К Люсу приходит Петя. Он вырос в сильного, повидавшего жизнь мужика. Разговор братьев.

Люс рассказывает о встрече с «управдомом» и о своем походе в «органы».

— Его присутствие мучает меня. Я не могу жить на свете, зная, что он благоденствует где-то рядом, — заканчивает свой рассказ Люс.

— Ну зачем тебе эти сраные «органы»? — говорит Петя. — Я его замочу в лучшем виде. Мне убить суку, что два пальца обоссать. Не в первый раз.

Люс не хочет, но Петя все-таки узнал у него адрес «управдома».

— Будет порядок! — успокаивает он Люса. — Только ты исчезни на недельку из города, чтобы тебе ничего не могли пришить.

— А ты как? — спросил Люс.

— А я по какому-нибудь пустяшному поводу уйду на зону. Там ведь я в «авторитете» и в законе. Зона мне, как дом родной. Перстень же я верну тебе вместе с пальцем этого фраера. Не бойсь, искать меня никто не будет. У них и так там переполох — Берию прихлопнули...

Петя уходит, а Люс достает из ящика путевку в «Дом отдыха», которую ему вчера выдали на работе.

«Все одно к одному, — говорит он сам себе. — Значит все идет, как надо».

* * *

Сцена 79. 1954 год. Лето. Харьков.

Квартира «управдома». «Управдом», собиравшийся выйти на улицу и потому уже одевший

пиджак с орденскими планками, сидит, привязанный к стулу. Рот его забит тряпкой. Петин кореш-напарник шурует по ящикам в поисках ценных вещей. Находит кисет, набитый какими-то железками. Вытряхивает содержимое на стол — там золотые кольца и сережки. По столу катится детское золотое колечко.

— С живых снимал или с мертвых? — спрашивает Петя.

«Управдом» что-то мычит в ответ.

Петя разворачивает на столе перед «управдомом» карту Харькова и говорит ему:

— Сейчас мы с тобой, гнида, пойдем от твоего дома, где ты занял еврейскую квартиру, к синагоге, а затем по проспекту Сталина до того места, куда ты сгонял евреев.

Петя говорит и с каждой фразой легко штрикает «управдома» финкой:

— Вот мы вышли к синагоге.

— А теперь идем по проспекту Сталина.

— Вот перешли мост через речку!

— Вот мы на Конной площади!

— Вот мы на Балашевском мосту.

— Вот идем мимо Тракторного завода.

«Управдом» дрожит и извивается при каждом уколе ножа. Ужас в его глазах.

— Ну вот и пришли! — говорит Петя. — Теперь пойдешь в ад рапортовать лично товарищу Сталину. Он уже тебя там заждался.

Петя перерезает ему горло. Кровь «управдома» течет на орденские планки. Петя с корешом сидят на кухне, пьют водку, закусывая консервами — все из запасов управдома. Кореш приносит из комнаты патефон, ставит первую попавшуюся в руки пластинку. Квартиру заливают волшебные звуки шубертовской «Серенады». Пете кажется, что голос тенора уходит в синее небо за окном.

На глазах его слезы. Чтобы скрыть свою слабость, говорит:

— Люблю культурно отдохнуть после работы!
И потом:

— Теперь уходим!

— Подожди! — говорит кореш. — Есть еще одно дело.

Он берет горсть орденов и медалей, найденных им при поиске ценностей, и бросает в мусорное ведро. Мелькает медальный профиль Сталина. Кореш спускает штаны и испражняется в то же ведро.

— Вот теперь порядок! — говорит он.

— Ну, может быть это — лишнее? — задумчиво говорит Петя. Уходят.

* * *

Сцена 80. 1954 год. Лето. Харьков.

Люс возвращается из «Дома отдыха». Узнает, что Петю арестовали за ограбление киоска.

Однажды, когда он идет с работы, к нему у вокзала подходит девка из блатных и протягивает пакетик, завернутый в обрывок газеты.

— Это тебе, фраер! — говорит она Люсу.

Люс дома разворачивает пакетик. В нем оказывается перстень его отца. Собираясь скомкать и выбросить газету, вдруг замечает знакомую физиономию на опубликованной фотографии. Это оказывается «управдом» и тут же некролог: «...трагически погиб...», «Группа товарищей».

* * *

Сцена 81. 1956 год. Лето.

К Люсу приходят Коля и Майя — красивая невысокая женщина. Они идут в открытое кафе в городском саду. Майя рассказывает свою историю после того, как они с Люсом разделились на подходе к Донцу. Она вернулась, отбыв пять лет сталинских концлагерей и пять лет поселения. Теперь хлопочет о реабилитации.

— Так я свою целку (девственность), которую от особиста ценой лагерей уберегла, там на зоне на пайки да на поблажки разменяла!

Люс смотрит на ее сильные и жилистые, как у мужчины, руки и говорит.

— Ну ты благодарить должна этого особиста! Представь себе свою судьбу, если бы он, как ты просила, послал бы тебя санитаркой, и попала бы ты в харьковский котел, а что было с теми, кто в котле оказался, я хорошо помню, и рассказать — страшно.

Когда они выходят в парк, Коля говорит, что он спешит, и оставляет их вдвоем.

Идут молча. Потом Люс говорит:

— Я готов продолжить наш разговор, начатый в 42-м на сеновале.

— Ты не видишь, что я — старуха?

— Я сказал, — не задумываясь, отвечает Люс.

— У меня дочери пять лет!

— Вырастим и выдадим замуж, — говорит Люс. Она долго смотрит ему в глаза, потом раскрывает объятия: «Ну, здравствуй, Люс!»

* * *

Сцена 82. 1998 год. Лето. Харьков.

Продолжается видеointервью со старым Люсом. Люс рассказывает.

— Сейчас я в Харькове остался один из всей нашей большой семьи. Да и за пределами Харькова моих родственников уже совсем немного. Дед и бабка так и умерли от голода в 33-м в разоренной еврейской колонии в Крыму. Старший брат погиб в первую неделю войны под Таллинном, куда бросили всех курсантов его училища с винтовками «образца одна тысяча восемьсот затертого года». Не успел ни жениться, ни полюбить. Майю я похоронил три года назад. Дочь ее вышла замуж, не забывает меня, зовет папой. А общих детей нам с Майей Бог не дал. Семьи моей тетки

и двоюродного дяди — все, кто дожил, уехали в Америку и в Германию. Вон их фотографии. Когда умерла Майя, меня они приглашали в Германию и в Штаты. Я съездил на месяц в Германию, но ничего не узнал ни в Берлине, ни в других местах. Совсем новая страна. Впрочем, однажды вынырнуло прошлое — невероятный случай.

* * *

Сцена 83. 1995 год. Лето. Берлин. (Продолжение рассказа Лоса. Его голос звучит за кадром.)

По харьковской привычке я собирался перейти улицу, не дожидаясь зеленого света. Из промчавшегося у моего носа «мерседеса» грозят кулаком. Вдруг за переходом «мерседес» резко тормозит, оттуда выходит маленький подвижный старик, машет мне рукой и кричит по-немецки «Михайлов! Ко мне».

Я с изумлением и только по голосу узнаю Альфреда. Подхожу. Он обнимает меня. «Мы должны поговорить — у меня два часа до вылета. Садись!»

Я сел в машину. Через несколько минут останавливаемся у кафе, занимаем столик.

Альфред говорит мне:

— Я теперь не Альфред, а Вальтер.

Я говорю:

— Я тоже не Николай Михайлов, а Илья.

Он продолжает:

— Я скрылся в Южной Африке. Занялся коммерцией. Теперь моей фирмой управляет сын, а я вот решил посетить фатерлянд и сейчас уже возвращаюсь в Кейптаун. Я часто вспоминал тебя. Ты мне нравился, хоть я и сдерживался. Кроме того, еврей еврея видит издали. У меня настоящий отец еврей. Когда мать меня носила, вышли расовые законы, и друг отца, немец, прикрыл их «грех». Его фамилию я и носил. Лет тридцать назад я встретился со своим настоящим отцом, но радости не было. Мы были чужими людьми,

и к тому же он имел некоторую информацию о моей службе в СС, и в его еврейской голове все это не укладывалось. В своем американском благополучии он даже не мог себе представить как мы жили в этом проклятом рейхе. А как ты жил?

Я вкратце рассказал о событиях своей жизни. Альфред-Вальтер выслушал, не перебивая. Потом посмотрел на часы и достал чековую книжку.

— Я хочу тебе немного помочь, Николай, на добрую память, — сказал он.

Но я удержал его руку — я не мог избавиться от мысли, что его богатство основывается на тех мешках, которые мы свозили из концлагерей.

Он постучал чековой книжкой по столу и вдруг задал мне вопрос:

— А Ирму Грезе ты помнишь?

— Помню, — сказал я.

— У тебя, наверное, в жизни больше не было такой красивой женщины?

— Не было, — ответил я.

— А ее молодую и красивую повесили, — тихо сказал он, — не прав был князь Мышкин: красота не только мир, но и вообще никого не спасет.

* * *

Сцена 84. 1998 год. Лето. Харков. Завершение видеосъемки.

Последние слова Люса:

— Больше никуда я отсюда не поеду. Я здесь до самой смерти буду рядом с отцом и матерью.

Он показывает за окно, за которым за густой летней зеленью прячется овраг, заполненный телами расстрелянных евреев. Зимой, когда листва опадает, эта братская могила кажется совсем рядом.

— Я иногда слышу их голоса, — задумчиво говорит Люс и закрывает руками глаза.

К о н е ц

Хорошев 18.04.10.

Уважаемый Леонид, приветствую Вас!

Посылаю типографское издание Статей.
Через неделю будут пробные продажи в Питере,
потом в Москве, потом в Харкове.
Пользуясь этой "оказией" прилагает маленькую
книжечку „Из смерти в ХХ в.“ — не только
посылал мне ее Вам. (Она мне сейчас помогла
под руку).
Эта книжечка — единственный „материальный“
итог моей работы в Фонде Смитберга по сбору
видео свидетельств „переходивших Шоа“.
Работая в Фонде, я дал подписку не использо-
вать видео- и аудио-материалы. Поэтому в
этой книжечке не отражено какое-либо конкрет-
ное интервью, а переименованы разные фрагменты
с поправкой передвиг дух событий (Вирджил,
основная канва сюжетная — pochodzenie кон-
кретного лица, много давнего приятия,
наше покойного. Имя и фамилия изменены,
но близки по звучанию. Может быть интересно для сайта.
Поняно, что экзистенциальная книжечка лет 10-12 назад
послал Смитбергу на его калифорнийское ранчо,
но он, как положено вичини еврей, obviously
считавшему, что он уже Бога за борозу ухватил,
ответил почтовым макашевич. Век ханства,
ничего не подделав. (Тарте, хотя бы несколькими
словами ответил на любое письмо).

Всего доброго

лучшие пожелания

Яков Мотом

